УДК 32.019.51 **DOI: 10.12737/11952**

МЕТОДОЛОГИИ ХРОНОПОЛИТИКИ: ПОЛИТЕМПОРАЛЬНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ РЕЖИМЫ

Горин Д.Г.[1]

В статье исследуется феноменология политемпоральности политических процессов. Эта проблема рассматривается как ключевая в обосновании методологии хронополитики. Автор описывает синхронизацию политемпоральных политических процессов как средство поддержания устойчивости и архитектонического равновесия режимов функционирования институтов. Особое внимание уделяется характеристике хронотопа институциональных режимов.

Ключевые слова: хронополитика, политемпоральность политических процессов, институциональные режимы, хронотоп.

METHODOLOGY OF CHRONOPOLITICS: POLYTEMPORALITY OF POLITICAL PROCESSES AND INSTITUTIONAL REGIMES

GORIN D.G. - Doctor of Philosophical Sciences, Head of the Department of Social Disciplines and Humanities, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Bryansk), e-mail: dm.gorin@mail.ru

The article examines phenomenology of polytemporality of political processes. This problem is considered as a key one in methodology of chronopolitics. The author describes the synchronization of polytemporality of political processes as a means of maintaining stability and architectonical balance of functioning regimes of institutions. Particular attention is paid to the chronotope characteristics of institutional regimes.

Keywords: chronopolitics, polytemporality of political processes, institutional regimes, chronotope.

Горин Дмитрий Геннадьевич - Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Брянский филиал, доктор философских наук, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин (Российская Федерация, г. Брянск), e-mail: dm.gorin@mail.ru

Проблематика хронополитики активно разрабатывается в рамках философского анализа политического[1]. Репрезентация политического, как показал А. Бадью, всегда связана с временными смещениями и конструированием «прошлого в настоящем» и «настоящего в будущем»[2]. Если легитимность и эффективность публичной политики напрямую зависят от качества политической репрезентации, то в понимании феномена «политического» вряд ли можно игнорировать темпоральную неоднородность различных сфер и уровней общества, предопределяющую политемпоральность политических процессов.

В описании политемпоральности политических процессов мы будем исходить из архитектонической модели институциональных режимов, основывающейся на предположении о том, что их устойчивость обеспечивается конструктивными взаимосвязями между четырьмя уровнями социальности.

На первом, микросоциальном уровне – уровне межличностных взаимодействий - происходят выбор личных стратегий поведения и концентрация человеческих и социальных капиталов. Этот уровень включает разнообразные локальные фрагменты, которые должны быть интегрированы и сбалансированы другими уровнями институциональной конструкции. Темпоральность политических процессов, происходящих на этом уровне, определяется локальными временными ритмами и естественным измерением времени.

Например, политические процессы в локальных сообществах будут задаваться ритмикой возникновения и разрешения значимых для этого сообщества проблем, которая, очевидно, измеряется относительно лабильной темпоральностью, связанной со структурами повседневности и естественной жизнью отдельных субъектов и локальных сообществ.

Второй, мезосоциальный уровень в нашем случае определяется отношениями акторов с основными институциями (органы власти и управления, субъекты рынка труда, производственные структуры, учреждения социальной сферы и т.п.). Темпоральность политических процессов, связанных с этим уровнем, в значительной степени определяется пространственно-временными особенностями функционирования этих институций. В частности, М. Фуко эти особенности определял как следствие бюрократической дисциплинарности. Он полагал, что формы управления, которые используются дисциплинарными организациями, связаны с воздействием на тело (контроль за передвижением и действиями конкретных индивидов). Подобная дисциплинарность опирается на манипуляции со временем и пространством. Речь у М. Фуко идет о создании «комплексных пространств: одновременно архитектурных, функциональных и иерархических», которые обеспечивают «фиксированные положения и перемещения» и устанавливают свою особую темпоральность. Поэтому, по Фуко, «власть непосредственно связана со временем; она обеспечивает контроль над ним и гарантирует его использование»[3]. На мезоуровне это проявляется, например, в хронологическом порядке распределения биографической жизни (в том числе сменяемость периодов учебы и работы, карьерного продвижения и т.п.), который обеспечивает вовлечение индивида в иерархические системы. На этом же уровне происходит регуляция жизни различных сообществ, политическое выражение которой также обретает темпоральные характеристики (регуляция времени и пространства лежит в основании формальных норм, регулирующих различные

[1] См., напр.: Пятигорский А., Алексеев О. Размышляя о политике. – М.: Новое издательство, – 2008.

[2] См.: Бадью А. Мета/Политика: Можно ли мыслить политику? Краткий трактат по метаполитике. Пер. с фр. - М.: Логос, 2005.

[3] Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. - М.: Ad Marginem, 1999. – С. 216, 233-234.

формы гражданской активности и самоорганизации граждан – сходы, митинги, создание общественных организаций и т.п.).

Третий, макросоциальный уровень включает в себя представления об устройстве социального мира в целом (включая отношения власти и общества, страны и мира). Этот уровень воспринимается, как правило, абстрактно-образно. Даже научная традиция его описания связана с более абстрактными моделями, чем это принято, например, в микросоциологических исследованиях. Политическая темпоральность процессов, затрагивающих этот уровень, выражается, как правило, большими историческими нарративами, которые поддерживаются политикой памяти и конструированием образов будущего, которые навязываются сильноресурсными субъектами слаборесурсным.

Необходимость выделения четвертого, метасоциального уровня связана с такой особенностью социального мышления, которая смыслы социальной активности и целостные представления об обществе делает возможным, только если источники этих представлений будут вынесены как бы «за пределы» актуальной действительности – в сферу сакральных смыслов (как в «протестантской этике» у М. Вебера и в концепции «очагов спасения» у Ш. Эйзенштадта[1]) или в сферу постулируемого мета/социального идеала (как в концепции самоописания обществ у Н. Лумана). Например, вынесенный «за пределы» общества постулируемый идеал оказывается в культуре модерна необходимым условием социального и политического мышления. Эта особенность представляет собой несколько измененное проявление принципа «удвоения мира», которое лежало в основании средневековой схоластики и сохранило некоторые свои черты в новое время. Механизм такого «удвоения» в идеологическом мышлении был описан Н. Луманом. Общество, как полагал Луман, представляет собой аутопойетическую систему: оно само себя описывает и само себя воспроизводит. Но мышление о самом себе без выхода за пределы самого себя не может быть надежным. Иллюзия надежности в идеологическом мышлении обретается в результате способности идеологии размыкать социальную реальность и создавать внешний по отношению к этой реальности воображаемый топос. Этот топос оказывается своеобразной точкой отсчета, откуда наблюдатель имеет возможность увидеть социальную целостность как бы «со стороны»: «…присутствующее обязано собой отсутствующему, которое делает возможным его явление»[2].

В этом смысле любая идеология, оперируя в обществе, пытается оперировать против общества, словно бы она пришла «извне». Н. Луман описал два варианта постулирования, воображаемого топоса.

Первый основан на тавтологии и состоит в предположении, что общество – это то, *что* оно есть изначально. Это означает, что воображаемый идеал уже воплощен в социальной реальности (в восприятии реальности в этом случае важны не «отдельные недостатки», а ее идеальная сущность). Если это так, то необходимо противодействовать тенденциям социальных преобразований, исходящих из альтернативных идеальных моделей. Такая позиция характерна, например, для консерватизма. Второй вариант основан на парадоксе: общество есть то, *что* оно не есть. В этом случае общество отождествляется с идеалом, реализации которого препятствуют некие силы. Отсюда возникают возможности обоснования различных революционных и реформаторских теорий.

[1] См.: Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. Пер. с англ. - М.: Аспект Пресс, 1999.

[2] Луман Н. «Что происходит?» и «Что за этим кроется?». Две социологии и теория общества // Теоретическая социология: Антология: В 2 ч. Ч. 2. - М.: Университет. - С. 330.

Хронополитическая сущность идеологии, таким образом, состоит в том, что социальная или политическая реальность оценивается с позиции «внешней» по отношению к ней локализации наблюдателя. Наблюдатель как бы отделяется в своем мышлении от актуальной реальности и смотрит на нее с позиций той воображаемой «метасоциальной» реальности, которая и представляет собой постулируемый идеал. Конструируя идеал, идеология чаще всего соотносит его с реальностью с помощью темпоральных структур: «…темпорализация и идеологизация в известной мере выручают друг друга там, где речь идет о компенсации утери реальности»[1].

В любом случае функции метасоциального уровня состоят в поддержании/изменении социальных картин мира, а также в производстве смысла, способного создавать масштабные социальные мотивации и порождать те или иные типы активности.

Отношения между четырьмя названными уровнями задают политемпоральность политических процессов, так или иначе затрагивающих все четыре уровня конструкции институциональных режимов. Архитектонические особенности этой конструкции определяют вариативность институциональных режимов, которые могут выступать в качестве основного условия общественного развития или, наоборот, создавать «институциональные ловушки». Термин «архитектоника» в данном случае оправдан тем, что он подразумевает не только конструктивные особенности интересующего нас объекта, но прежде всего свойства равновесий его частей, изначальные основания его сбалансированности и устойчивости.

Архитектоническая устойчивость институциональных режимов, поддерживающих напластования символических форм, паттернов, формальных и неформальных «правил игры», лежит в основе феномена path dependence («зависимость от пройденного пути»). Феномен зависимости от пройденного пути позволяет посмотреть на динамику институциональных режимов в контексте не только непрерывности предшествующей траектории, но также природы институциональных ловушек и возможностей их преодоления.

Темпоральные аспекты архитектонической сбалансированности институционального режима определяются выбором одного из четырех названных выше уровней в качестве базового. От этого выбора будут зависеть характер и степень синхронизации политемпоральных политических процессов в условиях складывающегося институционального режима, особенности его эволюции. Например, экономическое и социальное развитие возможно, только когда достигается некий компромисс между днем сегодняшним (потреблением) и будущим (инвестициями). Но этот компромисс основан на смыслах, которые задаются особым переживанием времени: если человек не видит достижимых очертаний будущего, если из его сознания выпадают представления об эволюции как процессе, наделенном смыслом, то он не будет вкладывать в завтрашний день, даже если он будет способен придумать хороший бизнес-план. Представления о будущем и пути продвижения к нему наделяются смыслом, который связывает, выражаясь в терминологии Ш. Эйзенштадта, «мирское» и «космическое» или «посюсторонний порядок» с «потусторонним». В политических идеологиях, например, напряженность между «посюсторонним» и «потусторонним» разрешается, как минимум, в трех аспектах: во-первых, в постулировании идеала как некоего «запредельного» образа; во-вторых, в локализации этого идеала во

[1] Луман Н. Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества // СОЦИО-ЛОГОС. - М.: Прогресс, 1991. – С. 203.

времени (в будущем, настоящем или прошлом); в-третьих, в кодировании времени продвижения к идеалу (эволюция или революция, прогрессивное устремление в будущее или консервативное стремление «остановить» время и «повернуть» его «назад»)[1].

Очевидно, что принципиальную роль в определении вариаций институциональных режимов будет играть приоритетность одного из четырех уровней описанной выше архитектонической конструкции. В мировой истории можно выявить довольно устойчивые институциональные режимы, архитектоническая конструкция которых опиралась на структуры любого из четырех уровней. Роль фундамента институциональных режимов могли играть метасоциальные структуры социального знания (случай теократий или идеократий). Макросоциальные конструкции оказываются, как правило, базовыми для этакратических режимов. Архитектонический перенос центра тяжести всей конструкции на мезосоциальный или микросоциальный уровень характерен для институциональных режимов, опирающихся соответственно на принципы локального коммунитаризма или антропоцентризма. Однако в любом случае устойчивость институциональных режимов балансируется всеми уровнями нашей модельной конструкции. Исследование архитектонических особенностей таких конструкций позволяет сконцентрировать внимание на связи устойчивых образцов социального поведения (в том числе общественного, экономического или политического) с тектоническими свойствами сбалансированности всей конструкции институционального режима, ее общей способности сопротивляться возможным дисгармониям, противоречиям и конфликтам.

Например, институциональный режим советского общества опирался на метасоциальную конструкцию коммунистической утопии: идеал был вынесен за пределы актуального общества, однако именно он определял оптику восприятия социальной действительности (как это предписывалось, например, принципами социалистического реализма)[2]. Это пример идеократии. Макросоциальный уровень определялся в логике коммунистического социоцентризма, которая на мезоуровне находила свое воплощение в принципах советского коллективизма и на микроуровне исключала общественно значимое поведение вне существующей разветвленной системы первичных коллективов (партийных, трудовых, профессиональных, общественных, творческих и т.д.). Распад метасоциальной (идеологической) основы этой конструкции обернулся дезорганизацией общества на всех уровнях. Архитектоническими взаимосвязями всех уровней конструкции советского институционального режима объясняется не только его устойчивость в течение известного исторического отрезка, но и тотальный слом любых институциональных регуляторов после его крушения (включая морально-нравственные и даже межличностные).

Одним из фундаментальных параметров, который задает варианты синхронизации политемпоральных политических процессов, является соотношение перцептуального и концептуального времени. Первое связано с временными характеристиками эмпирического (докатегориального) освоения мира, а второе – с абстрактно-образными представлениями о времени. Как только мы вводим это различение, тут же возникает вопрос о том, как перцептуальное и концептуальное время и пространство связаны между собой. Каждое воспринимаемое нами

[1] См.: Горин Д.Г. Производство смысла и коды социального опыта в России. - М.: Либроком, 2011; Горин Д.Г. Как мы мыслим историю // Общая тетрадь. – 2014. - № 1 (64). - С. 56 - 64.

[2] См., напр.: Горин Д.Г. К феноменологии двоемыслия: метафизика культуры «диалектического материализма» // Неприкосновенный запас: Дебаты о политике и культуре. – 2011. - № 4 (78). - С. 319-329.

событие прежде всего вписывается в то перцептуальное время, которое связано с нашей физической локализацией. Многообразие локализаций различных субъектов определяется, например, пространственными различиями бытия отдельных групп и сообществ или разнообразием временных ритмов и исторических эпох. Непосредственно окружающее нас пространство, как правило, отражается в сознании полно и точно, поскольку оно таит источники повышенной опасности, требующие немедленной реакции. «Что же касается дальних областей пространства, – отмечает Б. Раушенбах, – то здесь вполне допустима как более высокая степень искажений, так и понижение информативности»[1]. Дальние области пространства, так же как прошлое или будущее, воспринимаются не эмпирически, а концептуально, абстрактно-образно. Конкретные детали выпадают из поля зрения, забываются, а недостаток информации компенсируется достраиванием общей картины на основе воображения и существующих в данной культуре образов, представлений и ценностей. Разумеется, взаимосвязь перцептуального и концептуального времени уникальна в каждой культуре.

Эта взаимосвязь представляет собой достаточно сложный феномен, требующий для своего описания развернутого аналитического инструментария. Перцептуальное время, например, невозможно рассматривать лишь как череду механически сменяющих друг друга временных моментов, идущих из будущего в прошлое. Э. Гуссерль показал, что простое переживание того или иного события содержит влияние воображения и иллюзий, предвосхищений и запоминаний, которые каждое актуальное переживание обращают в контексты прошлого и будущего – в сеть потенций и ретенций (предвосхищений и запоминаний). Вне этой сети простое переживание актуального невозможно: любое спонтанное живое мгновение содержит в себе временной сдвиг, который и открывает инаковость. Переживание события, таким образом, оказывается, по Гуссерлю, многомерным: «Каждое переживание имеет *горизонт*, меняющийся вместе с изменением объемлющей это переживание взаимосвязи сознания и со сменой фаз его собственного протекания, – интенциональный *горизонт*, в котором осуществляются отсылки к открытым для самого переживания потенциальностям сознания»[2].

Вариации синхронизации политемпоральных политических процессов задаются, таким образом, рядом параметров кодирования времени. Среди них: формы влияния сакральных смыслов на переживание времени и способы взаимосвязи между сферой священного и повседневной жизнью; стремление к дифференциации или универсализации ритмов переживания времени; цикличное или линейное переживание времени; фиксация культуры на прошлом, настоящем или будущем; предпочтение стабильности или преобразований, эволюционного или скачкообразного характера переживания временной ритмики; формы проявления и чередования мобилизационного и застойного времени.

Аналитически эти параметры дифференцируются по названным выше четырем уровням проявления институционального режима: от микросоциального уровня до уровня функционирования метасоциальных смысловых интеграторов.

Исследование архитектонических особенностей таких конструкций позволяет сконцентрировать внимание на связи устойчивых образцов поведения людей (в том числе общественного, экономического или политического) с тектоническими свойствами сбалансированности всей конструкции институционального режима, ее общей способности сопротивляться возможным дисгармониям, противоречиям и

[1] Раушенбах Б. Восприятие и перспективные изображения пространства // Искусство и точные науки. - М.: Наука, 1979. - С 145-146.

[2] Гуссерль Э. Картезианские размышления. Перевод с нем. - СПб.: Наука, 2006. - С. 113 - 114.

конфликтам. Соответственно наше понимание политемпоральности политических процессов и природы «институциональных ловушек» становится более глубоким.

Библиография/References:

1. Пятигорский А., Алексеев О. Размышляя о политике. – М.: Новое издательство, 2008.
2. Бадью А. Мета/Политика: Можно ли мыслить политику? Краткий трактат по метаполитике. Пер. с фр. – М.: Логос, 2005.
3. Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. – М.: Ad Marginem, 1999. – 234 с.
4. Эйзенштадт, Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. Пер. с англ. – М.: Аспект Пресс, 1999.
5. Луман Н. «Что происходит?» и «Что за этим кроется?». Две социологии и теория общества // Теоретическая социология: Антология: В 2 ч. Ч.2. – М.: Университет, 1994. – 330 с.
6. Луман Н. Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества // СОЦИО-ЛОГОС. – М.: Прогресс, 1991. – С. 203.
7. Горин Д.Г. Производство смысла и коды социального опыта в России. – М.: Либроком, 2011.
8. Горин Д.Г. Как мы мыслим историю // Общая тетрадь. – 2014. – № 1 (64). – С. 56 – 64.
9. Горин Д.Г. К феноменологии двоемыслия: метафизика культуры «диалектического материализма» // Неприкосновенный запас: Дебаты о политике и культуре. – 2011– № 4 (78). – С. 319-329.
10. Раушенбах Б. Восприятие и перспективные изображения пространства // Искусство и точные науки. – М.: Наука, 1979. – С 145-146.
11. Гуссерль Э. Картезианские размышления. // Перевод с нем. – СПб.: Наука, 2006. – С. 113-114.

1. Pyatigorskij, A., Alekseev, O. (2008) Razmyshlyaya o politike [Reflecting on policy]. – M.: Novoe izdatel'stvo. (In Russ.)
2. Bad'yu, A. (2005) Meta/Politika: Mozhno li myslit' politiku? Kratkij traktat po metapolitike [Meta/policy: Whether it is possible to think of policy? The short treatise on metapolicy]. Per. s fr. – M.: Logos. (In Russ.)
3. Fuko, M. (1999) Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my [To Supervise and punish. Birth of prison]. – M.: Ad Marginem. –. 234 P. (In Russ.)
4. EHjzenshtadt, SH. (1999) Revolyuciya i preobrazovanie obshchestv. Sravnitel'noe izuchenie civilizacij [Revolution and transformation of societies. Comparative studying of civilizations]. Per. s angl. – M.: Aspekt Press. (In Russ.)
5. Luman, N. (1994) «CHto proiskhodit?» i «CHto za ehtim kroetsya?». Dve sociologii i teoriya obshchestva ["That occurs?" and "That behind it it is covered?". Two sociology and theory of society] // Teoreticheskaya sociologiya: Antologiya: V 2 ch. CH.2. – M.: Universitet. – P. 330. (In Russ.)
6. Luman, N. (1991) Tavtologiya i paradoks v samoopisaniyah sovremennogo obshchestva [Tautology and paradox in self-descriptions of modern society] // SOCIO-LOGOS. – M.: Progress. – P. 203. (In Russ.)
7. Gorin, D.G. (2011) Proizvodstvo smysla i kody social'nogo opyta v Rossii [Production of sense and codes of social experience in Russia]. – M.: Librokom. (In Russ.)
8. Gorin, D.G. (2014) Kak my myslim istoriyu [As we think of history] // Obshchaya tetrad'. – № 1 (64). – P. 56-64. (In Russ.)

9. Gorin, D.G. (2011) K fenomenologii dvoemysliya: metafizika kul'tury «dialekticheskogo materializma» [To doublethink phenomenology: culture metaphysics of "dialectic materialism"] // Neprikosnovennyj zapas: Debaty o politike i kul'ture. – № 4 (78). – P. 319-329. (In Russ.)

10. Raushenbah, B. (1979) Vospriyatie i perspektivnye izobrazheniya prostranstva [Perceptions and perspective images of space] // Iskusstvo i tochnye nauki. – M.: Nauka. – P 145-146. (In Russ.)

11. Gusserl', E. (2006) Kartezianskie razmyshleniya [Cartesian reflections]. Perevod s nem. – SPb.: Nauka. – P. 113-114. (In Russ.)